

- тем не менее, именно их ценности, нормы и стандарты жизни имеют самый реальный шанс стать общечеловеческими в глобализирующемся мире;
- информационные технологии призваны не только оптимизировать дальнейшее экономическое развитие, но и обеспечить мировоззренческие предпосылки для принятия субъектами культуры необходимых норм и стандартов поведения.

Проблемы глобализации, информационного общества, возможностей информационных технологий - это, по сути, основные проблемы сегодняшнего дня. Обозначить их в одной работе не представляется возможным. Очень многое осталось за рамками исследования. *Дальнейшее изучение данной темы*, на наш взгляд, потребует обращения к следующим вопросам:

- изучению специфики взаимосвязи глобальных проблем человечества, рисков глобализации и кризиса духовности;
- определению роли и возможности науки в предотвращении рисков глобализации и информатизации;
- рассмотрению перспектив дальнейшего развития гуманистических идеалов и ценностей в информационном обществе.

Источники и литература

1. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
2. Интервью с деканом философского факультета МГУ В.В. Мироновым // Вопросы философии. – 2002. – №5. – С. 101-108.
3. Смолян Г.Л., Черешкин Д.С., Штрик А.А. Информационно-коммуникационная инфраструктура - технологический фундамент информационного общества (некоторые проблемы использования зарубежного опыта) // Информационное общество. - 1999. – Вып. 5 – С. 50-55.
4. Моисеев Н.Н. Человек во Вселенной и на Земле // Вопросы философии, 1990. – № 6. – С. 32-45.
5. Мелюхин И.С. Информационное общество и государство. - <http://www.relcom.ru/Archive/1997/ComputerLaw/State.html>.
6. Шелли Р. Несостоятельность нравственного релятивизма // Человек и христианское мировоззрение. Альманах. - Вып.4. - Симферополь, 1999. – С. 116-124.
7. Бек У. Что такое глобализация?. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304с.
8. Кизима В.В. Тоталогия. – К.: Парапан, 2005. – 272 с.
9. Бердяев Н.А. Смысл истории. — М.: Мысль, 1990. – 176с.
10. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник. — М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.

Поступила в редакцию 01.07.2005 г.

Спецвыпуск КГИПУ

УДК 398.3(477.75)(091)(043.3)

Узунова Л.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭТНОИСКУССТВОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУР В КРЫМУ

В данной статье автор предпринимает попытку научного осмысления методологии этноискусствоведческого исследования традиционной культуры народов различной этнической принадлежности на основе метода вертикальной и горизонтальной наследственности культур.

Ключевые слова: этноискусствоведение, методология исследований, обрядово-праздничная культура, полиэтничность, типологическое родство.

Авторка статті „Методологічні засади етномистецтвознавчого аналізу традиційних культур в Криму” - кандидат мистецтвознавства Узунова Л. В., робить змогу наукового осмислення методології етномистецтвознавчих досліджень традиційних культур різних народів на підставі вертикальної та горизонтальної спадкоємності культур.

Ключові слова: етномистецтвознавство, методологія досліджень, святково-обрядова культура, поліетнічність, типологічна спорідненість.

The newspaper «Methodology has is ethnicartskill of parsing of traditional cultures in Crimea» of Candidate of Arts Yzynouy L.U. researches methodology of study cultural polyethnicity in the Crimea.

Key words: ethnicartskill, methodology of study, holidays and customs, typical peculiarities

Изучение фольклорной традиции как интегральной части культуры и познание ее в динамике общего и частного является актуальным вопросом в духовном возрождении этносов и этнических общностей, населяющих территорию Крыма как части Украины на современном этапе. В связи с этим возникает объективная необходимость в научном осмыслении истоков традиционной культуры и возрождения народных и религиозных обрядов и праздников как социального явления для целесообразного культурного и религиозного диалога на территории Крыма и социокультурной адаптации на полуострове репатриированных этнических общностей, представляющих современную украинскую нацию.

Исследуя религиозно-магические элементы народных праздников и обрядов, мы находим механизм возврата человека к святому святым – своей этнической культуре. Ретранслируя ее социально-трудовые и художественно-эстетические функции как культурную ценность в процессе социализации, мы определяем и нравственные ориентиры в возрождении национальной культуры. Рассматривая религию (во всех ее проявлениях от политеизма до монотеизма) как одну из древнейших форм духовной культуры и источник обрядово-праздничной традиции современное общество получает возможность заполнить образовавшийся вакуум в области праздничной культуры.

Формирование культурной полиэтничности, как специфической черты новых социокультурных условий в Крыму, вызывает необходимость поиска путей одновременного исследования степени развития культуры различных репатриированных этносов Крыма. Данная статья посвящена научному осмыслению методологии этноискусствоведческого анализа обрядово-праздничной культуры в целях поиска идентичных элементов в традиционных праздниках и обрядах народов разного вероисповедания и разной этнической принадлежности.

В исследовании фольклорного материала широко используются аналитические и структурно-типологические методы. Так, по мнению доктора искусствоведения, профессора Киевского Института искусствоведения, фольклористики и этнологии НАН Украины С.Й. Грицы «явление материальной культуры, верований, обычаев должны рассматриваться таким же образом, как и виды в природе. Повторяемость их призывает к сравнению, закладывает основы типологического исследования, которое выступает основой для нового культурно-исторического направления. Оно становится определяющим в сравнительных исследованиях этнологии и фольклористики» [1]. В этой связи целесообразно обратиться к одному из магистральных направлений в мировой этнографии и этнологии второй половины XIX века – эволюционизму. Его девиз: ничто не остается в неизменности, все течет и приобретает свои формы. [2] Выдающиеся его представители в этнологии – Л. Морган, Дж. Мак-Леннан, Дж. Леббок. Большой вклад в развитие эволюционистской концепции внес Э.Тэйлор. [3] .Особое внимание в своих работах он уделял духовной культуре: религии, магии и, связанными с ними, обрядами. Термином «анимизм» он обозначил духовное существо, вера в которое лежит в основе религиозных обрядов и верований дикарей. Теорию анимизма развил, обратившись к анализу некоторых ранних форм религиозных верований Дж. Фрезер в своих работах «Золотая ветвь» (1890 г.), «Фольклор в Ветхом завете» (1918 г.) и другие . Он один из первых предпринял метод сравнительно-исторического изучения сюжета Ветхого завета в сравнении с мифологией других народов и дал науке концепцию эволюционной стадии в умственном развитии человека: магия, религия, наука.

Значительный шаг в методологии исследования древних культур, был сделан в начале XX в. культурологической школой структурализма, ярчайшим представителем которой стал французский ученый Клод Леви-Стросс (1908–1990 гг.) – создатель концепции структурной антропологии. Используя метод структурного анализа он пришел к выводу, что социальные и культурные нормы жизнедеятельности (правила браков, терминология родства, тотемизм, маски, мифы, ритуалы и обряды, связанные с ними) представляют собой особого рода язык культуры первобытного общества. Отвлекаясь от исторического развития изучаемых первобытных обществ, он ищет то, что было бы общим для всех культур и всех людей, помогая обнаружить общие для всех народов базисные структуры человеческой жизни.

Особый интерес для данного исследования представляет распространенная в XX в. культурологическая концепция игровой культуры Йохана Хейзинги (1872–1945 гг.), которая рассматривает игровое начало как основание всей культуры и считает его древнее самой культуры. Все основные черты игры, считает И. Хейзинга, сформированы еще до возникновения человеческого общества и присутствуют в игровых ритуалах в поведении животных, впоследствии перешедших в обряды первобытнообщинного строя человека [4]. По мнению ученого, целые эпохи «играют» в воплощение идеала, опираясь на деятельность воображения, например, культура Ренессанса, стремившаяся к возрождению идеала античности, а не к воссозданию принципиально новых ориентиров. Концепция Йохана Хейзинга применима и к исследованию процесса возрождения духовной культуры народов Крыма на современном этапе .

С появлением нового направления культурологии XX в. – психоаналитической концепции культуры, возникает новый аспект исследования первобытной культуры. Он связан с проблемой анализа путей развития культур Востока и Запада, ролью биологически унаследованного и культурно-исторического в жизни народа, выяснением значения мифа, сказок, преданий, сновидений в процессе развития общества. Представителем этого течения стал швейцарский культуролог Карл Густав Юнг (1875–1961 гг.), ученик З. Фрейда. Он выявил содержание коллективного бессознательного (относящегося к народам и этносам), кроющегося в памяти человеческого прошлого и до человеческого животного состояния. Коллективное бессознательное передается по наследству, в виде родовой памяти зафиксированной в мифологии, народном эпосе, религиозных верованиях и художественном творчестве, что составляет основу этнической культуры и может выступать двигателем процесса ее возрождения .

Развитие массовых коммуникаций в конце XX в. послужило поводом для формирования еще одной концепции в исследовании первобытной культуры, основанной на проблемах космической роли человечества, единства человека и космоса, морально-этической ответственности человека в ходе космической экспансии. В этом аспекте к проблемам эволюции вселенной и роли человека в этом процессе обратился французский ученый-палеонтолог, философ и теолог Пьер Тейяр де Шарден., стремившийся синтезировать данные науки и религиозного опыта. Его учения основываются на пантеизме – отождествление Бога с природой и рассмотрение природы, как воплощения божества с утверждением духовного начала в человеке. Культурологическая концепция Т. Шардена стала отправной точкой в исследовании обрядовой культуры первобытных народов современными учеными с точки зрения энергетической связи: человек – природа – космос, изучая «дерево рода» современных народов в эволюции человечества как частицы космической среды. Отсюда наделение энергетической силой многих обрядовых действий у любого народа и рассмотрение обрядовой символики как энергетической системы и энергетического ключа в процессе жизнедеятельности человека.

На рубеже XX–XXI вв. в Украине особое развитие получила такая область теории культуры как **этнокультурология**, которая образовалась на стыке культурной антропологии, социологии и этнологических знаний в системе создания, сбережения и трансляции художественных ценностей конкретных народов. Это область дала возможность в условиях независимого государства создать новое направление и методы в изучении этногенезиса и культурогенезиса украинского народа и этнических групп, населяющих Украину. Яркими представителями этнокультурологии и этноискусствоведения, как ее составной части, являются проф. И.Ф. Ляшенко, С.Й. Грица, И.Н. Юдкин, Т.В. Липова, О.С. Найден, О.Н. Семашко, Л.С. Черкашина.[5] Их работы посвящены методологии изучения художественной культуры украинцев, ее исторической типологии, проблемам ее возрождения, общим и специфическим методам этноискусствоведческого анализа культуры, вопросам обновления национальных традиций в современной художественной культуре Украины. Однако, специфическая методология этноискусствоведческих исследований применительно для Крымского региона пока что отсутствует. Поэтому, на мой взгляд, целесообразно обратиться к наработанному опыту украинских этнокультурологов и этноискусствоведов, в частности, к методологии этнокультурологических исследований доктора искусствоведения, профессора И.Ф. Ляшенко. В научной работе «Этноистецтвознавчий напрям у вивчанні художнього досвіду нації»[6] ученый рассматривает межкультурные диалоги, освещает свой опыт этноискусствоведческого исследования традиций славянских и неславянских культур, останавливается на проблемах полиэтничности художественной культуры украинского общества. Изучая проблемные вопросы этноискусствоведения в контексте культурологии, он предлагает этноискусствоведческое направление в изучении художественного опыта нации, теоретико-концептуальным фундаментом для которого является метод сравнительного анализа в этнокоммуникативной сфере межкультурных диалогов.

При системно-комплексном углублении в предмет исследования, пишет И.Ф. Ляшенко, нельзя выпускать из поля зрения неравномерность исторического развития отдельных художественных культур в общей системе духовного процесса, а также одновременном развитии новых для национальной, но традиционной для мировой культуры, жанров и форм[6]. Условие возрождения этнической культуры в Крыму в полной мере соответствует той среде, в которой предлагал развернуть этноискусствоведческие исследования И.Ф. Ляшенко. Это та деятельность, где внутреннее формирование (культура крымчаков, караимов, крымских татар) и внешняя реализация (ретрансляция) национальных факторов культурного процесса настолько взаимосвязаны, что объекты культурного диалога (те, кто усваивают опыт традиции) и их главные субъекты (те, кто передает опыт) просто не существуют одна без другой, формируя систему взаимобратной связи в культурной деятельности. И.Ф. Ляшенко подчеркивает, что утверждая гуманистическую идею межкультурной связи необходимо учитывать специфическую ситуацию: «эпоха – нация – искусство», при которой возникают различные конфликтные этнокультурные ситуации. Трагическая судьба людей, которые утратили чувство родины (ассимиляторские проявления у караимов и крымчаков) сочетаются с противоположными тенденциями (герметизацией конкурирующих культур), порожденными реакцией на любое вторжение «чужого» в «свое» (как у крымских татар). В таком случае усиливаются чувства национальной исключительности на полуострове и этнического радикализма. Все это создает почву для культурологических осмыслений процесса возрождения этнической культуры в Крымском регионе, разрешая самый дискуссионный проблемный вопрос этнокультурологии: возможна ли вообще интернационализация, как фактор взаимообогащения художественных культур, вне утраты этими культурами этнической и национальной самобытности? В Украинской культурологии этот вопрос дискутируется с особой остротой в связи с изучением исторической динамики в разных социокультурных условиях развития отдельных регионов Украины, включая Крым. Возможен ли вообще комплексный подход в изучении этнических культур, если не существует универсального без национального, новаторского без традиционного, содержания вне формы? И на каких этапах национальное и интернациональное, традиционное и новаторское, как звено единой цепи

этнохудожественного развития, функционируют единой жизнью, а на каких этапах их отдельные качества угасают временно или навсегда, и остаются только в системе творчества, исполнительства или восприятия?

Дискуссия по поводу теоретических основ изучения процессов развития этнических культур в полиэтнических регионах стимулировала украинских культурологов к разработке проблемы творческого развития художественных традиций в свете диалектики общечеловеческого (универсального) и национального (специфического) элементов, которые в свою очередь легли в основу методов «вертикальной» и «горизонтальной» наследственности в контексте этноискусствоведения, предложенной профессором И.Ф. Ляшенко. [там же] Итак, обратимся к методу «вертикального» анализа, как наиболее распространенному методу исследования этнокультурных явлений с точки зрения исторического развития и поиска истоков обрядово-праздничной культуры любого этноса. Взяв за основу результаты исследований ученых-эволюционистов, в частности Э. Тэйлора и Дж. Фрезера, можно сделать вывод, что у истоков традиционной обрядово-праздничной культуры лежат первобытные формы религиозных верований: анимизм, аниматизм, тотемизм, фетишизм и магия, как комплекс обрядовых действий. Однако необходимо уточнить, используемое в методе вертикального анализа определение «обрядово-праздничная культура». В данном случае мы будем рассматривать *традиционный праздник как комплекс религиозных обрядов, посвященных конкретному (календарному, трудовому или семейному) событию в жизни народов*. При этом понятие «религиозный» трактуется гораздо шире, чем понятие «церковный» и подразумевает форму мировоззрения человека в историческом контексте, веру в неразрывную связь человека с природой и космосом (начиная с первобытного синкретизма, переходя в политеистическое язычество и утверждаясь в современном монотеизме). В каждом из народных праздников имеются элементы, если не монотеистических религий, то элементы древних религиозных верований. Отсюда – типологическое родство праздничной и обрядовой культуры разных народов (сходство атрибутики, суггестивных воздействий, обрядовых блюд, сакрального смысла обрядовых действий, тотемных символов). Это позволяет сделать вывод, что безрелигиозных народных праздников и обрядов практически не было и быть не может.

Определив религиозные верования древнего человека как один из основных источников возникновения традиционной обрядово-праздничной культуры и проследив их развитие в историческом и социокультурном аспекте (по «вертикали»), можно сделать вывод, что древние истоки обрядов и праздников идентичны у всех народов и этнических групп и носят одинаковый сакральный смысл. Религиозные верования действительно являются основным древнейшим источником традиционной обрядово-праздничной культуры и представляют собой элемент культурной «универсалии» [7], характерной для всех наций, этносов и народа мира. Так, обратившись к календарю народных праздников Крымского региона, в частности к встрече нового года у народов различного вероисповедания можно выявить черты языческой идентификации. Например, у крымских татар этот праздник, как и у всех мусульманских народов, приходит в день весеннего равноденствия, что само по себе является остаточным явлением языческого календаря, когда год начинался с 1 марта (день знахарей). В переводе с иранского «наврез» – «новый день». В Крыму это название трактуется как Наврез, равно как и название Великого поста перед Уразой: «Рамадан» – «Рамазан» [8] Существует три версии возникновения этого праздника, из которых видно, что корни его уходят глубоко в язычество и потому он впитал все его формы: тотем, анимизм, аниматизм, фетишизм, магию – в равной степени, просочившиеся как в мусульманство, так и в христианство. Длится этот праздник от 3 до 5 дней, но так, чтобы в период празднования обязательно входила пятница, как олицетворение священного для мусульман числа «5» /равно как и суббота у иудеев и воскресенье у христиан/. За неделю до праздника хозяйки очищают дом, готовят к сожжению старые вещи. Накануне праздника разжигают костер и прыгают через него очищаясь и предварительно обливаясь водой. Проведем аналогию. Культ огня с его очистительной силой и ритуальными действиями успешно используется и христианскими народами в период Масленицы, особенно в последний день масленичной недели, сопровождающейся игровыми забавами с костром, на котором сжигают не только Масленицу, но и старые вещи, и украденные у хозяев-зевак колеса, которые, спускаясь с гор осуществляют обряд культа плодородия. У мусульманских народов этот культ выражается в обряде «первой борозды», проводимого мужчинами в Наврез, и в детском обрядовом фольклоре. Он связан с тщательным приготовлением костюмов ряженных, маски козы, которую водят вечером по домам и поют традиционную песню «Сары эчким» (Рыжая коза), изготовлением специальных веточек, украшенных подснежниками «Наврез чечеги», которыми в день праздника стучат в окна к ожидающим хозяйкам и поют песню «Черная курица» . Услышав пение, хозяева одаривают гостей сладостями и орехами, обязательно сладкое песочное печенье различной формы – курабье, сладкие слоеные лепешки, закрученные в рожки – катмер-пте . И, если бы не чисто крымско-татарские названия некоторых атрибутов праздника, то складывается невообразимое впечатление Рождественских праздников, в частности «Коляды» у христианских народов, с полной идентификацией тотема (коза), обрядом подаяния, волочечными действиями и величальными песнями, которые аналогично повторяются и в период

«Великодня» на Украине, аналогичны им и русские «виноградьи» – величальные песни, исполняемые волочебниками для хозяев дома перед Пасхой[9].

Знамениты у Крымских татар Наврезовские девичьи гадания: и перед зеркалом о суженых, и с кувшином воды, в который бросают свои кольца или ожерелья незамужние девушки и ставят его на ночь под «розовый куст» (куст чайной розы), а в канун нового года вытаскивают предметы и предсказывают будущее друг другу. Аналогичны новогодние гадания и у русских, украинских, белорусских, болгарских и армянских девушек и других христианских народов, в культуру которых смело проникли зороастрийские традиции Ирана, наслонившиеся на более древние языческие представления.

И еще два эпизода крымско-татарского праздника «Наврез», раскрывающих нам полную картину типологического родства в народно-праздничной культуре различных этносов, проживающих в Крыму. Наврезовское утро – 21 марта – старики начинают с молитвы – намаз. Обращаясь к Богу, прославляя его, они просят прощения за прегрешения, содеянные в прошедшем году, а затем поминают души умерших родственников, употребляя в пищу отварные куриные яйца и специально приготовленную поминальную халву (Черная халва: мука, поджаренная на топленом масле с добавлением сахара и воды, раскладывается ложкой и употребляется в застывшем виде). А ведь Рождественское утро у христианских народов или утро еврейского Рош Ха-Шане – Нового года, отмечаемого в сентябре, когда трубят в бараний рог – «шефер» – прямо в синагоге, тоже посвящено обращению к Господу Богу, прославлению его посланников будь то Иисус, пророк Мухаммед или Моисей. «Да будешь ты вписан в книгу на хороший год!» - желают друг другу крымские евреи, подразумевая Великую Книгу Жизни и Добрых дел, которую ведет сам Господь Бог. А элемент поминовения умерших в новогодние праздники четко прослеживается не только на татарских байрамах, но и на всех христианских праздниках. Идентификация этого обряда связана с одним из древних форм языческого восприятия мира – *аниматизмом* – вера в существование души умершего человека. Таковы уникальные семейные обычаи в трапезе на Святвечір. Здесь, и обереги, и уважение к духам умерших, да и сама кутья, не что иное, как основное поминальное блюдо, которое сопровождает все праздники славянских народов.

Новогодний обряд обливания водой у мусульманских народов, как очищение, четко прослеживается и у иудеев в обряде «ташлях» – стряхивание пыли одежды в ближайший водоем, и у Христиан на Водокрещение.

Древнейшее представление наших предков о рождении нового как производного от отжившего старого воплотилось в обрядовых действиях с яйцами и поклонении птице, как хранительнице души человеческой. И жареный цыпленок на праздничном столе у крымских евреев, и гусь с яблоками на Рождественском столе у русских, и лапша в курином бульоне у тюркских народов – все это элементы типологического родства народно-праздничной культуры не только Крымского региона и Украины, но, дополнив вышесказанное детальными примерами, можно применить их к народам Евразии. Они принимали сходные формы во многих государствах в периоды, предшествующие становлению развитых и сложных религиозно-философских систем. Близкие обрядово-зрелищные комплексы, связанные с поклонением стихийным силам природы и с жизненным циклом, возникли у разных народов независимо друг от друга, они были этнически неспецифичны ввиду закономерностей связи между сходными формами трудовой деятельности и формами мировоззрения. Иногда в точности совпадает вещественная атрибутика, растительные, звериные и антропоморфные символы, способы гаданий о будущем. Таковы, например, круговые танцы (у крымских татар, русских, украинцев, евреев, армян, болгар, караимов, немцев), восходящие к культу солнца и полной луны и не порывавшие с аграрной символикой. Повсеместно символом плодородия служили крашенные или отварные яйца, злаково-бобовая пища, как обрядовое блюдо на всех календарных и семейных праздниках. Вера в целительную силу огня и воды воплотилась в сходных обычаях на огромных территориях Европейского континента.

Перейдем к «горизонтальному» срезу исследования, то есть попытаемся рассмотреть особенности обмена этноискусствоведческим опытом между этносами Крыма в современных условиях культурной жизни, и проведем структурный анализ обрядово-праздничной культуры вне исторического развития.

На рубеже XX-XXI в. народный праздник стал полифункциональным явлением, носителем вековых традиций. Прежде всего, в нем происходит не только соединение различных видов народных искусств, которые в его процессе объединены сценарным ходом, композицией, имеют единую, содержательную основу, но и выступают независимо друг от друга. Это явление привлекло внимание искусствоведов, структуралистов. По мнению А.Зися, синтез искусств дает о себе знать в разных отношениях: и в развитии синтетических искусств (оперы, кинематографии, цирка, театра), и в соединении различных искусств в общей композиции, и в переводе одного художественного ряда в другой, и в использовании отдельными искусствами выразительных средств художественного языка и материала других искусств, и во взаимоотношениях искусства с другими явлениями культуры и материального быта[10]. Таким образом, синтез искусств в традиционной обрядово-праздничной культуре – это соединение различных народных искусств в общей композиции и взаимосвязь народного искусства с другими явлениями культуры и материального бытия. Подводя итог предпринятой нами попытке научного осмысления методологии

этноискусствоведческого анализа традиционной обрядово-праздничной культуры, мы склонны признать народный праздник специфическим синтезом. народных искусств. Подобный синтез является характерной особенностью для всех народных праздников любой этнической группы на современном этапе, как явление типологического родства в структуре традиционного праздника, истоки которого уводят в первобытный религиозный синкретизм. Подтверждением данного вывода служат результаты экспериментальной деятельности автора по реконструкции и ретрансляции традиционных праздников и обрядов на базе Республиканского общества крымских болгар им.П.Хилендарского, Симферопольского общества крымских караимов «Карайлар», а также на базе Вузов со специфической национальной направленностью: в КИПУ - праздники крымских татар, в Крымском филиале Полтавского педагогического университета - обряды украинского этноса, а на базе РЦДЮТ- русские народные праздники.

Источники и литература

1. Грица С.Й. Час і простір у фольклорі, його стратифікація у зв'язку з етнографічним регіонуванням України // Українська художня культура: Навчальний посібник. – К.: Либідь, 1996. – С.148–170.
2. Грица С.Й. Становлення і розвиток наукової думки про народну творчість // Українська художня культура: Навчальний посібник. – К.: Либідь, 1996. – С.32–53.
3. Тэйлор Э.Б. Первобытная культура – М.: Соцэргиз, 1939. – 566 с.
4. Берестовская Д.С. Основы культурологии.- Симферополь:КПТУ,1999.-89с.
5. Юдкин И.М. Загальні та специфічні методи етномистецтвознавчого аналізу культури//Українська художня культура: навчальний посібник.-К.:Либідь,1996. –С.93-99.
6. Ляшенко І.Ф. Етномистецтвознавчий напрям у вивченні художнього досвіду націй // Українська художня культура: Навчальний посібник. – К.: Либідь, 1996. – С.53–76.
7. Кармин А.С. Основы культурологии (морфология культуры). – СПб.: Лань, 1997. – 512 с.
8. Чуприн А. Крымские татары. – Симферополь: Таврия, 1993. – 178
9. Сахаров И.П. Народный дневник // Сказания русского народа. – М.: Дружба народов, 1991. – 397 с.
10. Зись А. Виды искусства.- М.: Знание, 1979.- С.115-127.

Поступила в редакцию 07.07.2005 г.

УДК 681.3.07

Швец И.Ю.

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КЛАСТЕРА НА СОЗДАНИЕ КОНКУРЕНТНОГО ПРЕИМУЩЕСТВА

В статье проведен анализ влияния деятельности кластерных систем на формирования конкурентного преимущества.

Ключевые слова: кластер, конкурентоспособность, конкурентные преимущества.

У статті проведений аналіз впливу діяльності кластерних систем на формування конкурентної переваги.

Ключові слова: кластер, конкурентноздатність, конкурентні переваги.

В связи с переходом к рыночным отношениям неизменным встает вопрос конкурентной устойчивости предприятий и повышения их производительности. Решение этих вопросов можно найти в формировании кластерной системы. В теоретических и практических работах, посвященных развитию конкуренции и об уровне стратегии предприятия преобладают исследования, посвященные изучению процессов происходящих в внутри предприятия. Как в самой конкуренции, так и конкурентоспособности роль местоположения почти не учитывается. Существует тенденция преуменьшать роль местоположения в этих вопросах [1-3]. Ряд исследователей объясняли концентрацию предприятий в свете экономики агломераций. Таковые обычно рассматривались либо как возникающие на уровне отрасли, либо в диверсифицированной экономике города. Многие трактовки экономики агломераций усиливают акцент на минимизации издержек из-за сходства факторов производства или сходства рынков. Такие толкования, однако, обесцениваются глобализацией рынков, технологий и источников снабжения, а также повышенной мобильностью и снижением транспортных и коммуникационных расходов. В настоящее время характер экономики агломераций сильно изменился: она становится все более важной на уровне кластеров, а не только внутри узко определенных отраслей.

Глобализация дает предприятием возможность получать капитал, товары и технологии, из разных регионов и размещать производство там, где это оказывается более эффективным в плане затрат. Правительства воспринимаются как теряющие свое влияние на конкуренцию по сравнению с силами, действующими в мировых масштабах. Такое видение, хотя оно и распространено достаточно широко, не соответствует реальной ситуации в процессах конкуренции.

При изучении вопроса о влиянии местоположения на конкурентную борьбу сравнительно мало внимания уделялось тому, как предприятия ведут эту борьбу. Конкурентная борьба представлялась в